
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 340.1
ББК 67.0

DOI 10.22394/1682-2358-2019-6-66-72

A.G. Fedorov, Candidate of Sciences (Law), Docent of the Law Department, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

THE PROVISION-BINDING NATURE OF THE LEGAL IMPACT OF THE STATE ON THE SUBJECT OF LAW IN ORDER TO ENSURE ITS LAWFUL CONDUCT

Measures of the constitutionally permitted impact of public authority on the behavior of a citizen, as a subject of law, by applying norms of a binding nature to him/her are studied. The mentioned norms are considered as a provision measure of possible unlawful behavior in the form of fraudulent actions in the sphere of economic turnover.

Key words and word-combinations: norm of law, state regulation, lawful behavior, fraud.

А.Г. Федоров, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (email: Fedorov.reg40@gmail.com)

ПРЕДОСТАВИТЕЛЬНО-ОБЯЗЫВАЮЩИЙ ХАРАКТЕР ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА НА СУБЪЕКТ ПРАВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Исследуются меры конституционно-дозволенного воздействия публичной власти на поведение гражданина как субъекта права посредством применения к нему норм обязывающего характера. Указанные нормы рассматриваются в качестве обеспечительной меры возможного неправомерного поведения в виде мошеннических действий в сфере экономического оборота.

Ключевые слова и словосочетания: норма права, государственное регулирование, правомерное поведение, мошенничество.

Раскрывая понятие и структуру нормы права, В.Н. Храпанюк определяет ее положение в единой правовой системе как

«первичную клеточку права». Рассматривая нормы права как правила поведения, устанавливаемые государством, он характеризует признаки правовой нормы, с одной стороны, как санкционируемую государством модель поведения, закрепляемую в официальных государственных актах, а с другой — отмечает ее «предоставительно-обязывающий характер, сочетающий предоставление и одновременно ограничение внешней свободы лиц в их взаимных отношениях. Предоставительно-обязывающий характер правовой нормы позволяет удовлетворять законные интересы управомоченных субъектов, через действие обязанных лиц» [1, с. 169].

В динамике этих умозаключений особый интерес вызывает данное В.Н. Храпанюком определение нормы морали (нравственности) как «правило поведения, которое устанавливается в обществе в соответствии с моральными представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, долге, чести, достоинстве и охраняется силой общественного мнения или внутренним убеждением» [1, с. 195]. Более емким это определение становится в контексте рассуждения российского ученого начала XX в. Г.Ф. Шершеневича об абсолютно социальном характере норм морали — «нравственность представляет не требование человека к самому себе, а требование общества к человеку» [2, с. 169—170]. Подчеркивая особую роль государства по обеспечению правовых норм, Г.Ф. Шершеневич резюмирует: «Не то важно, кто выработал содержание нормы, особые ли органы власти, или отдельные ученые, или само общество, в своем целом или в своей части, — важно, кто требует соблюдения нормы. Если это требование исходит от высшей власти в данном общественном союзе, веления которой неспособна отменить никакая иная, стоящая над нею, власть, то такие нормы мы называем нормами права. <...> Нормы права называются действующими, насколько соблюдение их требуется государством» [2, с. 238—239].

Подобные высказывания становятся актуальными в современных условиях, когда ярко проявляются тенденции самоидентификации российского общества, в том числе определяющие меру дозволенного воздействия государства на конкретный субъект права. В таких отношениях не обязателен непосредственный контакт гражданина с представителями власти. В реальных условиях государство воздействует на человека, регламентируя практически все его действия в обществе. «С социально-политической точки зрения правомерное поведение всегда является желательным и допустимым, а потому гарантируемым и охраняемым государством» [3, с. 391], а «поведение субъектов права, регламентированное нормами права, становится юридически значимым» [4, с. 354]. Для регулирования поведения граждан государством устанавливаются правила, обязывающие соблюдать не только собственные интересы, но и интересы других субъектов права. Формируя такую систему правоотношений, государство руководствуется положениями ст. 2 Конституции России, в которой определено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность

государства» [5]. В контексте данной нормы государство призвано всеми доступными способами защищать интересы своих граждан, причем защита должна сводиться не только восстанавливать нарушенные права, а еще и побуждать граждан совершать правомерные действия в отношении иных субъектов права.

При рассмотрении данного вопроса необходимо привести мнение видного российского ученого И.А. Ильина о том, что «отношение людей будет только тогда правоотношением, если *правовые нормы предусмотрят его и укажут, какие правовые последствия оно влечет за собой*. Правовые нормы определяют, кто и какие поступки может или должен совершить для того, чтобы между ним и другими людьми возникло (не внутреннее моральное или просто житейское отношение, но) именно *правоотношение*» [6, с. 263].

Характерным примером правовой «незащищенности» одних участников гражданского оборота от незаконных действий других участников может служить судебная практика по искам о мошенничестве, связанным с неправомерным завладением чужими денежными средствами или имуществом посредством представления чужих документов или персональных данных.

Перечень противоправных действий, в которые законопослушный гражданин может быть вовлечен не по своей воле и стать жертвой мошенников, довольно широк (ст. 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 Уголовного кодекса Российской Федерации) [7]. Задача государства — предупредить совершение неправомерного деяния, не допустив его совершения, а в случае его совершения — имеющимися средствами правового регулирования пресечь его в целях защиты граждан [8]. Согласимся с мнением ряда ученых, считающих, что в основе охранительной функции лежат превентивные меры, предотвращающие вред субъектам права [9].

Несомненно, нельзя сводить угрозу мошенничества только к группе корыстных преступлений против собственности, регулируемых нормами гл. 21–23 Раздела VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации, но наиболее часто законопослушный гражданин не по своей воле попадает в ситуацию, когда защитить его сможет только государство, именно в сфере экономических отношений. В связи с этим «возникает вопрос о несоразмерности санкции за несоблюдение требований правовой нормы» [10].

Актуальность исследования этого направления могут подтвердить статистические данные портала правовой статистики Генпрокуратуры России о нарушении прав граждан в сфере экономического оборота за период с января по сентябрь 2019 г.: количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации), по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. увеличилось на 15,8% и составило 165 268 преступлений; статистические данные за девять месяцев 2018 г. показывали снижение количества мошеннических преступлений на 2,2%.

Реально оценивая ситуацию, властные структуры предпринимают возможные меры к локализации проблемы, в том числе активизируя оперативно-розыскную деятельность и оптимизируя передачу дел в судебные инстанции. Так, за анализируемый период 2019 г. на 7,1% возросло число предварительно расследованных преступлений данного вида, составив 43 800 деяний, из которых по 34 326 (+1,7%) уголовные дела направлены в суд. Всего поставлено на учет 80 356 деяний по выявленным преступлениям экономической направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,9%. При детальном анализе структуры преступности в процентном соотношении, 12,2% приходятся на такие преступления как мошенничество. Всего за январь-сентябрь 2019 г. совершено 165 268 преступлений, квалифицируемых как мошенничество, с динамикой роста в 17,8% к аналогичному периоду прошлого года; из них 114 506 (14,3%) не раскрыто [11].

Постоянное совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий отражается на динамике роста преступлений с их использованием. За январь — сентябрь 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 205 116 (+69,2%) преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, предварительно расследовано — 48 260 (+51,6%). Особо отметим данные Генпрокуратуры России по нераскрытым за анализируемый период преступлениям. В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, не раскрыто 595 459 преступлений (+5,5%), что составило 97,4% от общего количества нераскрытых деяний [11].

Констатируя рост преступлений в экономической сфере, государству следует направить достижения в сферах информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации на предотвращение и пресечение преступных деяний.

Во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» 24 декабря 2018 г. утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (Национальная программа) [12].

Отдельные технологические приемы уже используются при получении гражданами государственных и муниципальных услуг через портал «Госуслуги» (<https://www.gosuslugi.ru>). Например, декларанты могут получить квалифицированную помощь при электронном декларировании товаров и транспортных средств, пересекающих таможенную границу ЕАЭС (<https://edata.customs.ru/FtsPersonalCabinetWeb/Services/About/Ed>).

ЦБ России совместно с ПАО «Ростелеком» внедряется федеральная информационная система ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации), которая позволяет участникам экономического оборота получить санкционированный доступ к государственным и иным информационным системам через портал «Госуслуги». Гражданин, получивший

единую учетную запись ЕСИА, может пользоваться государственными услугами в электронной форме без взаимодействия с государственными органами, при этом биометрическая регистрация клиентов в Единой биометрической системе (ЕБС) позволит ему дистанционно стать клиентом любого банка, работающего с системой, и пользоваться их услугами удаленно. Биометрия является надежной формой защиты данных от мошенников, так как лицо и голос сложно подделать. Кроме того, этот метод существенно сокращает время идентификации клиентов. Данные, которые банк передает в ЕСИА, зашифрованы, надежно защищены и размещены в хранилище Ростелекома [12].

Тем не менее уже на начальной стадии внедрения новых информационно-телекоммуникационных технологий возникают проблемы, требующие скорейшего нормативного урегулирования. Так, согласно заявлению, первого заместителя директора Департамента информационной безопасности ЦБ России А.М. Сычева, «российский рынок криптографического оборудования не располагает оборудованием, которое позволило бы хранить собираемые банками биометрические данные граждан на уровне гостайны — по классу КВ, как того требует ФСБ. Банкиры не могут выполнить требования ФСБ из-за отсутствия методики корректного встраивания спецоборудования — HSM-модуля — в свои системы, без чего невозможно получить ключи класса КВ. Методики корректного встраивания HSM нет... но без методики получить заключение ФСБ нереально» [13].

О проблемах координации деятельности участников экономического оборота говорит и следующий пример: «Сбербанк не хочет терять уникальное конкурентное преимущество — огромную сеть отделений и клиентскую базу... из-за запуска ЕБС Сбербанку придется регистрировать в ней клиентов и, по сути, делиться базой с конкурентами. К ЕБС Сбербанк пока не подключился. Банк объяснял это тем, что не были приняты все нормативные акты, к тому же работа ЕБС “не влияет на обслуживание клиентов” банка» [14].

Итак, использование достижений технического прогресса в борьбе с преступными деяниями без соответствующего правового обеспечения координации действий всех уполномоченных структур не сможет подавить динамику роста мошеннических преступлений в сфере экономического оборота. Необходимо совершенствование организационно-правового обеспечения всего системного процесса, прежде всего оптимизируя способы защиты наиболее уязвимых от посягательства преступников секторов.

В целях ограничения доступа к персональным данным гражданина, дающим возможность их использования в корыстных целях, необходимо нормативно регламентировать доступ должностных лиц к этой информации. Статьей 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» установлено, что «операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных ...» [15], а ст. 18.1 данного Закона гласит, что «оператор самостоятельно определяет состав и перечень

мер, необходимых и достаточных для обеспечения выполнения обязанностей... К таким мерам могут, в частности, относиться: 1) назначение оператором, являющимся юридическим лицом, ответственного за организацию обработки персональных данных» [15]. Следовательно, оператор (организация) может назначить ответственного за организацию обработки персональных данных, а может и не назначать, передав эти функции неопределенному кругу лиц, а утечка информации может быть использована мошенниками для совершения преступлений.

Для устранения потенциальных возможностей утечки персональных данных граждан, необходимо в каждой организации локальными нормативными актами конкретизировать круг должностных лиц, допущенных к сканированию, ксерокопированию или иным способам сохранения и обработки документов с персональными данными конкретного лица. Их действия должны быть прозрачными в целях контроля при определении должностного лица, виновного в утечке персональных данных гражданина. Процедура хранения и обработки персональных данных должна быть четко регламентирована.

В настоящее время еще не до конца урегулирован вопрос использования видео- и аудиофиксации событий, имеющих правовое значение, в качестве средства доказывания в судебном процессе. Согласно ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [16], аудио- и видеозаписи относятся к категории самостоятельных доказательств, но «если лицо, чьи действия фиксировались, знало о факте фиксации — такое доказательство является открытым, явным. Если — нет, то — скрытым, тайным... Скрытый сбор информации в отношении лица допустим лишь в определенных, указанных в законе случаях. И все, что собрано, исследовано и оценено с нарушением действующего законодательства, не может являться доказательством, и выходит, что аудио- и видеозапись, полученная скрытым способом, является недопустимым доказательством» [17].

Наряду с узакониванием снятия биометрических данных участника экономического оборота для биометрической регистрации клиентов в ЕБС необходимо нормативно закрепить право специфических субъектов, в том числе кредитных организаций, на проведение открытой видео- и аудиофиксации действий, связанных с идентификацией личности субъекта экономического оборота.

Итак, снятие биометрических данных заемщика, видео- и аудиофиксация процедуры оформления и получения заемных средств должны стать обязательной процедурой для всех кредитных учреждений, включая микрофинансовые организации. Подобное императивное решение публичной власти, направленное на защиту гражданских прав человека от преступных посягательств. Правомерное поведение заемщика ни в коей мере не будет ущемлено проведением процедур по его идентификации как субъекта кредитных отношений. В этом должно быть заинтересовано и кредитное учреждение, получившее дополнительные способы защиты от мошенников на стадии заключения договора. При наличии биометрических данных за-

емщика и материалов видео- и аудиофиксации процедуры выдачи займа, исчезнет необходимость доказывания непричастности к преступлению гражданина, чьими персональными данными воспользовались мошенники при получении заемных средств. Данные, идентифицирующие личность заемщика, совершившего противоправное общественно опасное деяние, передаются в правоохранительные органы для проведения дознания и последующих следственных действий.

Библиографический список

1. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 2008.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учебное пособие. Т. 1. Вып. 1. М., 1995.
3. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001.
4. *Назаров Б.Л.* Теория государства и права. М., 1983.
5. Конституция Российской Федерации. М., 2019.
6. *Ильин И.А.* Теория государства и права. 2-е изд., доп. / под ред. В.А. Томсинова. М., 2013.
7. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 нояб. 2019 г. № 354-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Приговоры судов по ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования». URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/category/1151.html>
9. *Федоров А.Г.* Самовольный захват придомовых территорий как объектов муниципальной собственности общего пользования / Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 140–146.
10. *Федоров А.Г.* Совершенствование правового регулирования мер государственного воздействия на участников дорожного движения / Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 1 (40). С. 37–41.
11. Состояние преступности в России (за январь – сентябрь 2019 г.) // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics>
12. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/info/35568/>
13. ЦБ признал невозможность хранения банками биометрических данных на уровне гостайны. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2018/11/29/787855-hraneniya-biometricheskikh-dannih>
14. Сбербанк начал собирать образцы голосов клиентов. Его биометрическая платформа не связана с государственной URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/10/04/782840-sberbank-obraztzi-golosov-klientov>
15. О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2017 г. № 498-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451.
16. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г. № 213-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
17. *Александров А.Ю.* Аудио- и видеозапись как средство доказывания в гражданском судопроизводстве / Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Сер.: Гуманитарные науки. Калуга, 2017. URL: <http://vkrutikov.ru/files/docs/47/nauchnie-trudi-kgu-2017.pdf>